



СЕРГЕЙ ЗВАНЦЕВ

Дело
ВАЛЬЯНО

ОТ АВТОРА

Первое произведение Чехова, прочитанное мною еще мальчиком, был рассказ «Житейские невзгоды». Мне показалось совсем не смешным, а печальным и странным, что Лев Иванович Попов, купивший сторублевый выигрышный билет в рассрочку, в конце концов заплатит банкирской конторе Кошкера колоссальную сумму 1347821 руб. 92 коп. и что «если вычесть отсюда выигрыш в двести тысяч, то все же останется убытку больше миллиона».

Может быть, мне и не пришло бы в голову читать сборник «Невинные речи», лежавший в отцовском кабинете на круглом столике, крытом бархатной вытертой скатертью, но в доме царило волнение, связанное с приездом в Таганрог Чехова.

Тогда я почему-то считал, что Чехов — маленького роста. Ясно припоминаю: когда раздался звонок и открывать вышел сам отец, а я усердно заглядывал в щелку, в дверях показался высокий, именно высокий, и худой человек, в черном пальто и черной шляпе, несмотря на лето.

Отец сказал дрогнувшим голосом: «Здравствуй, Антон!» — и я удивился и этим неизвестным мне ноткам и тому, что старые люди называют друг друга по имени, а не доктором, например: я знал, что Чехов тоже врач, как и мой отец. А в кабинете, куда вход был непосредственно из передней, уже сидел консилиум: доктор Шимановский и доктор Лицын, оба с пышными бородами. Консилиум собрался, чтобы решить, можно ли Чехову остаться в Таганроге, на чем Антон Павлович стал снова настаивать: время от времени писатель возвращался к этой мысли. Еще в 1895 году он писал Г. М. Чехову:

«Жаль, что я не богатый человек и живу только на заработки, а то бы я непременно купил себе в Таганроге домишко поближе к морю, чтобы было где погреться к старости...»

И позже Чехов все собирался поселиться в родном городе и купить для этого домик на Митрофаниевской или Михайловской улице. Под конец речь стала уже идти не только об уютном уголке, но и о климатически здоровом месте. Не годится ли для этого Таганрог, приморский южный город?

Консилиум решил: нет, не годится. Восточные ветры, зимние холода...

Я по-прежнему стоял за дверью и смотрел в щелку. Первым из кабинета показался ослепительный Лицын, за ним шел Антон Павлович. Мне почудилось, что он смущен или испуган. Возможно, так оно и было. Кажется, его коллеги высказались слишком откровенно...

Обычно таганрожцы расставались со знакомыми витиевато и многословно: «Будьте здоровеньки, не забывайте нас». Или: «Как жаль, что вы уже уходите!» Ничего подобного на этот раз не говорилось. Антон Павлович попрощался вежливо, но коротко: «До свидания». Врачи ответили нестройно, как новобранцы на смотре. Дверь захлопнулась...

Помню, отец грустно сказал моей матери:

— Я удивляюсь, как может дышать человек такими легкими...

Прошло много лет. В 1935 году в Таганрог приехали артисты МХАТа отметить семидесятипятилетие со дня рождения Чехова. Ставили «Дядю Ваню». Заглавную роль играл Вишневский, Серебрякову — Книппер-Чехова, так же, как на первом представлении пьесы в Москве 26 октября 1899 года. А днем в театре мой отец, когда-то сидевший в восьмом классе гимназии с Чеховым за одной партой, выступал с очерками о гимназических годах писателя.

Слушая рассказ о затхлой атмосфере гимназии семидесятых-восемидесятых годов прошлого столетия, я узнавал в мрачных насадителях триединства («православие, самодержавие, народность») известные мне фигуры «господ учащихся». Я ведь еще застал в гимназии чеховских «педагогов»: инспектора Дьяконова, по прозвищу Сороконожка, прообраз человека в футляре, злобного учителя латыни Урбана, гимназического надзирателя Павла Ивановича Вукова, прозванного «депутат» или «дипломат».

Павел Иванович Вуков служил классным надзирателем в местной мужской гимназии. В его обязанности входили, как было сказано в инструкции Министерства просвещения, «помощь и содействие г. инспектору в деле воспитания юношества как в стенах учебного заведения, так и вне таковых». На деле все сводилось к слежке и доносительству. Гимназисты младших классов боялись Вукова смертельно. Его высокий рост, черный сюртук, ловкость, с которой он сплевывал через губу, даже вошедшее в привычку поддергивание брюк, когда Вуков резким движением прижимал обе ладони к животу, а плечи высоко поднимал, — все вместе наводило страх на «мартышек».

Особенно устрашающе на них действовал грозный окрик:

— Што ви делаете?!

Павел Иванович слегка шепелявил, а «ы» произносил по-таганрогски мягко, как «и» — «ви», «ми».

Антон Павлович хорошо, на всю жизнь запомнил Вукова. В феврале 1893 года в переписке с братом Александром он шутливо вспоминает своего классного надзирателя:

«Скажи Рогозину, что если к 1-му марта он не пришлет мне паспорта, то я напишу в Таганрог Вукову».

Павел Иванович Вуков, «воспитатель» гимназистов, умело маневрировал между Сциллой инспекторского гнева и Харибдой ненависти учеников. Он отлично знал, что вторая стоит первой. Недаром столь плачевно пострадал от

мщения восьмиклассников ненавистный учитель латыни Урбан, взорванный на пороге собственного дома динамитным патроном. Неважно, что динамит оказался ненастоящим и что взрыв последовал лишь в виде зловещего шипения и густого дыма, повалившего из-под ног Урбана. Урбан был «взорван», хотя ни один седой волос не упал с его квадратной головы старого злого бульдога: скандальный слух вышел за пределы Таганрога, дошел до попечителя учебного округа, и Урбана перевели в Торжок.

Это все случилось позже, а в чеховские времена Урбан, не встречая явного сопротивления, властвовал над ненавидящими его учениками, изводя их «экстемпоралиями», то есть переводами русского текста на латинский язык.

«Рука всевышнего отечество спасла», — диктовал Урбан, высокий, с черной шерстяной бородой угрюмый человек, медленно шагая по классу. На одной из парт, у окна, сидел коренастый юноша Антон Чехов (отец подчеркивал, что в юности у будущего писателя был здоровый, даже цветущий вид!) и пытался перевести эту фразу на язык Вергилия...

А «воспитатель» Вуков заглядывал в дверное окошечко: смотрел за порядком.

Забавно, как «сгладил углы» таганрогский журналист «Шиллер из Таганрога» в газете «Приазовский край» от 7 июля 1904 года, описав встречу в городском саду в 1899 году Чехова с Вуковым:

«Антон Павлович пошел за ним и, когда тот остановился, протянул руку, и счастливая улыбка (!) озарила его худощавое, но (?) симпатичное, умное лицо». Дальше мы узнаем, что и «у старика появились слезы на глазах».

Вряд ли была такой эта встреча. Что-то уж очень не похоже на Чехова. Сомнительны и слезы на глазах штатного шпиона, к сентиментальности отнюдь не склонного. Журналист идеализировал дух тогдашней гимназии и ее «надзирателей». Таганрожец писатель Тан-Богораз описывал действительность иначе:

«Таганрогская гимназия в сущности представляла арестантские роты особого рода. То был исправительный батальон, только с заменой палок преческими и латинскими экстермпоралиями».

И должность-то у Вукова была тюремная: надзиратель!

Из услышанных мною в 1935 году воспоминаний отца интересен был эпизод: гимназист В., известный впоследствии ростовский присяжный поверенный, уговаривал соучеников бойкотировать товарища, будто бы помогавшего Вукову устанавливать фамилии революционно настроенных гимназистов (это оказалось ошибкой). Увлечшись, В. ударил заподозренного по лицу, пользуясь тем, что был посильнее. Гимназист Антон Чехов подошел к В. и сказал тихо, но крайне выразительно:

— Как тебе не стыдно!..

В момент, когда со сцены произносилась эта фраза, из глубины театрального зала раз-

дался несколько хриплый, но отчетливый старческий голос:

— Мне и сейчас стыдно!

Оказалось, что в зрительном зале присутствует согбенный годами В. ...

— Меньше всего в сыне мелкого и скупого архирелигиозного лавочника, — говорил автор воспоминаний, — можно было ожидать дух протеста. А вот, однако, все гимназисты, в том числе и очень бойкие «левые», преблагополучно снялись на общей карточке с преподавателями по случаю выпуска — как это и было положено, — а выпускник Антон Чехов решительно отказался сниматься с «наставниками», коротко пояснив соученикам:

— Они мне и так надоели...

И в самом деле: я видел у отца пожелтевший большой картон, на котором были наклеены карточки «учащих и учащихся» чеховского выпуска. Но Чехова не было между ними...

Директорами, инспекторами, а по возможности и преподавателями, не говоря уже о попечителе учебного округа, назначались охранительно настроенные чиновники. Инспектор А. Ф. Дьяконов вовсе не был исключением. Просто Чехов гениально подметил в обычном гимназическом инспекторе культивируемые царским строем черты человека без души. Как я уже говорил, я и сам немного помню этого Дьяконова: маленький человечек, с мочальной бородкой, в странной одежде с фалдочками, именовавшейся вицмундиром.

Я учился в третьем классе, когда Дьяконов умер. Для гимназистов это был праздник: по случаю похорон нас отпустили со второго урока.

Дьяконовы, Беликовы — люди в футлярах — придумали для чеховского выпуска достойную их самих тему сочинения. Она была получена в гимназии за пятью печатями, с выдавленными в сургуче двуглавыми орлами и торжественно прочитана в притихшем классе директором гимназии действительным статским советником Э. Рейтлингером: «Несет горше зла, чем безначалие». Тема была полностью во вкусе тогдашнего Министерства народного просвещения!

А. П. Чехов писал это сочинение дольше всех соучеников — четыре часа пятьдесят минут и подал его последним. Товарищи Чехова, сдавшие свои тетрадки и толпившиеся в коридоре, стали проявлять беспокойство, так как время истекало: через несколько минут кончался пятичасовой срок, отведенный выпускникам!

Монархическая тема никого не зажгла. Но юноше Чехову было, вероятно, особенно трудно писать казенные рассуждения. Так или иначе, он получил за сочинение четверку, в то время, как иные получили и пятерки. Оценивали сочинение выпускников чеховского выпуска трое: директор Рейтлингер, преподаватель словесности в старших классах А. Мальцев и преподаватель русского языка в младших классах И. Стефановский. Среди товарищей

Чехова ходили слухи, что директор предлагал поставить за сочинение будущего писателя двойку, ибо оно написано «не на тему».

* * *

... В 1903 году в Таганроге на главной улице, против входа в чудесный городской сад, устанавливали бронзовую статую Петра Первого и долго спорили, в какую именно сторону должен быть повернут лицом Петр: в сторону ли уходящей вдаль прямой, как стрела, Петровской улицы или же навстречу въезжающим в город гостям, то есть в сторону знаменитого таганрогского шлагбаума с двумя остроконечными столбами с позеленевшими шарами на верхушках.

В конце концов городская управа решила в пользу первого варианта, оставив много недовольных.

«Вот приедет на открытие памятника Антон Павлович,—грозила «оппозиция»,—он вам покажет! Основатель города — и вдруг спиной к гостям!.. Безобразие!»

Городская дума пригласила Антона Павловича на открытие, и таганрожцы заранее гордились и хвалились тем, что Антон Павлович приедет в Таганрог полюбоваться памятником, безвозмездно вылитым в бронзе Антокольским по просьбе их знаменитого земляка. Но Чехов не приехал. Здоровье его было уже окончательно подорвано... Через год Антона Павловича не стало.